

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654

Научная статья / Research article

Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений

В.А. Кузнецов , А.И. Василенко

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация

 vasiakuznets@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам развития международных отношений в субрегионе Магриба, приобретшим особую остроту после разрыва в августе 2021 г. дипломатических отношений между Алжиром и Марокко. Анализируя общие параметры магрибинской подсистемы международных отношений и выявляя основные тенденции внутривосточного развития входящих в нее государств, авторы показывают, что нарастающая напряженность в двусторонних отношениях между Алжиром и Марокко является лишь симптомом общего кризиса региональной подсистемы. Исследование основано на анализе широкого массива информационно-аналитических материалов и документов, а также на материалах полевых исследований авторов в приграничных районах Марокко (2019) и Алжира (2018, 2019) и их интервью с магрибинскими политиками (2020, 2021). В первой части статьи выделяются ключевые параметры магрибинской подсистемы отношений, описывается ее внутренняя архитектура, выявляются взаимосвязи с иными региональными подсистемами, показываются тренды развития Магриба, оформившиеся в 2010-е гг. Во второй части анализируется внутривосточная динамика в Ливии, Тунисе и Алжире. Текущая ситуация в каждой из стран описывается как тупиковая как с точки зрения развития демократического процесса, так и в плане возможностей национальной консолидации на авторитарной основе. Проявлением этого становится нарастающее отчуждение общества от политических элит, неспособных предложить реалистичные стратегии государственного развития. В третьей части статьи выявляются последствия кризисов внутривосточного развития для региональных отношений. Показывается возможность частичной переориентации ряда государств Магриба с более глубокой средиземноморской интеграции на поиск иных союзников; выявляются перспективы перебалансировки отношений с арабскими партнерами; делается вывод о возможном использовании конфликтной внешнеполитической повестки для национальной консолидации ряда стран; ставится вопрос о поисках новых моделей государственного и регионального развития.

Ключевые слова: Алжир, Тунис, Ливия, Марокко, Магриб, Ближний Восток, Средиземноморье, магрибинская подсистема международных отношений, региональные конфликты в Северной Африке, внешняя политика стран Магриба

Для цитирования: Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642—654. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654

© Кузнецов В.А., Василенко А.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Maghreb 2021: Political Development Impasses and Threats to the Subregional System

Vasily A. Kuznetsov^{ID}✉, Anastasia I. Vasilenko^{ID}

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
✉vasiakuznets@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the relevant issues of international relations in the Maghreb subregion, which became especially acute after the rupture of diplomatic relations between Algeria and Morocco in August 2021. The authors analyze the general parameters of the Maghreb subsystem of international relations and identify key trends in the internal political development of its member states. The growing tension in the bilateral relations between Algeria and Morocco is only a symptom of the general crisis of the regional subsystem. The study is based on the analysis of a wide array of information and analytical materials and documents, as well as the authors' field research in the border regions of Morocco (2019) and Algeria (2018, 2019) and interviews with Maghreb politicians (2020, 2021). The first part of the article highlights the key parameters of the Maghreb subsystem, describes its internal architecture, reveals the interconnections with other regional subsystems, and identifies the development trends of the Maghreb that took shape in the 2010s. The second part analyzes the internal political dynamics in Libya, Tunisia and Algeria. The current situation in each country can be described as an impasse, both in terms of the development of the democratic process and the possibilities for national consolidation on an authoritarian basis. The political elites of the region are unable to offer realistic strategies for state development and it leads to the growing alienation of societies. The third part of the article reveals the implications of political development crises for the regional relations. The authors conclude by putting forward a scenario of a partial reorientation of a number of Maghreb states from a deeper Mediterranean integration to finding other allies. They also identify prospects for rebalancing relations of Maghreb states with their Arab partners. In the framework of these processes the elites can use conflicting foreign policy agenda for the national consolidation of some countries. Finally, the authors raise the question of seeking new models of state and regional development in the Maghreb.

Key words: Algeria, Tunisia, Libya, Morocco, Maghreb, Middle East, Mediterranean, Maghreb international relations subregion, regional conflicts in North Africa, foreign policy of Maghreb states

For citation: Kuznetsov, V. A., & Vasilenko, A. I. (2021). Maghreb 2021: Political development impasses and threats to the subregional system. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 642—654. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654>

Введение

2021 г. ознаменовался началом очередного этапа трансформации региональных отношений на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Несмотря на отмечавшиеся в течение 2020 г. тревожные процессы в Восточном Средиземноморье, приведшие к частичному вытягиванию в воронку ближневосточной нестабильности сопредельных регионов (в том числе Юго-Восточной Европы и Южного Кавказа¹), в 2021 г. в целом наметилась

тенденция к региональному детанту. Продолжилась деэскалация конфликта в Сирии; наметился путь к нормализации отношений между ключевыми региональными акторами: Ираном и Саудовской Аравией², ОАЭ и Турцией³, а также между Турцией и Египтом⁴.

Deadlock // Brookings Doha Center Policy Briefing. 2021. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2021/01/Turkey-Europe-and-the-Eastern-Mediterranean.pdf> (accessed: 12.09.2021).

² Quinn C. Iran and Saudi Arabia Move Toward Normalization // Foreign Policy. April 30, 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/04/30/iran-saudi-arabia/> (accessed: 12.09.2021).

³ Soylu R. Turkey welcomes UAE's positive statement on relations, but not yet fully convinced // Middle East Eye. January 12, 2021. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-uae-normalisation-welcomes-not-convinced> (accessed: 12.09.2021).

¹ См.: Маркедонов С., Каледжи В., Хас К. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Декабрь 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36258/> (дата обращения: 12.09.2021); Dalay G. Turkey, Europe, and the Eastern Mediterranean: Charting a Way Out of the Current

При всей хрупкости переговорных процессов на каждом из этих треков само начало диалога между соперничающими государствами стало важным фактором оздоровления международной ситуации в регионе.

Одновременно с этим, однако, в другой части арабского мира получили развитие негативные процессы, в перспективе создающие угрозы безопасности для Южного Средиземноморья. Наиболее очевидным их проявлением стал разрыв дипломатических отношений между Алжиром и Марокко в конце августа 2021 г.⁵ Как будет показано в данной статье, этот разрыв необходимо рассматривать лишь как один из симптомов глубокой деградации региональной подсистемы отношений.

Проведенный анализ опирается на подходы структурного реализма, предложенные в свое время К.Н. Уолтцем (Waltz, 1979) и разрабатывавшиеся, среди прочих, Дж. Розенау (Rosenau, 1980), а также на некоторые идеи Г. Аллисона.

Основные параметры магрибинской подсистемы региональных отношений

Анализ текущей динамики регионально-го развития Магриба целесообразно начать с выделения общих черт сформировавшейся в этой части арабского мира подсистемы международных отношений (Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте, 2018). Учитывая, что она уже не раз становилась предметом исследовательского внимания⁶,

⁴ Turkey, Egypt pledge further talks to normalise ties after 2nd round // Reuters. September 8, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkey-egypt-pledge-further-talks-normalise-ties-after-2nd-round-2021-09-08/> (accessed: 12.09.2021).

⁵ L'Algérie rompt ses relations diplomatiques avec le Maroc // Jeune Afrique. 24 août 2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1222548/politique/lalgerie-rompt-ses-relations-diplomatiques-avec-le-maroc/> (accessed: 12.09.2021).

⁶ Lounnas D., Messari N. Algeria-Morocco relations and their impact on the Maghrebi regional system // MENARA Working Papers. 2018. No. 20. URL: https://www.academia.edu/37687035/Algeria_Morocco_Relations_and_their_Impact_on_the_Maghrebi_Regional_System (accessed: 02.03.2019). См. также: (Zoubir & White, 2015; De Larramendi, 2018).

здесь можно будет ограничиться лишь выделением некоторых ее базовых характеристик.

Географическая обособленность Магриба, ограниченного, с одной стороны, Средиземным морем, а с другой — пространствами Сахары, предопределила довольно раннее формирование специфической идентичности этого субрегиона, уже в Средние века воспринимавшегося современниками как некое единое культурно-политическое пространство (Видясова, 1987), обладавшее комплексной идентичностью, прежде всего арабо-мусульманской и средиземноморской, но также африканской и отчасти атлантической.

При этом, будучи частично включен во все эти региональные подсистемы, в каждой из них Магриб оставался периферией, лишь частично испытывавшей влияние импульсов, шедших из центров. Это обусловило формирование в нем во второй половине XX в. уже не только специфических идентичностей, но и собственной подсистемы международных отношений. Ее внутренняя архитектура определялась, как представляется, пятью основными факторами: во-первых, немногочисленностью составляющих ее государств (Ливия, Тунис, Алжир, Марокко, Мавритания, а также Западная Сахара); во-вторых, наличием двух сопоставимых по мощи государств, претендующих на субрегиональное лидерство и исторически соперничающих друг с другом (Алжир и Марокко) (Lefèvre, 2016; Boukhars, 2019); в-третьих, принципиально разным характером политического устройства государств региона и их внешнеполитических ориентаций; в-четвертых, низкой степенью институционализации региональных отношений и высоким уровнем персонификации внешней политики; в-пятых, слабой экономической и сильной историко-культурной связанностью субрегиона (Labaronne, 2013).

С 1970-х гг. к этим пяти факторам добавился и шестой — наличие западносахарского конфликта. Выступая препятствием к субрегиональной интеграции, на какое-то время он стал ключевым элементом для всей системы отношений в Магрибе, задав рамки для существовавшего и ранее алжиро-марокканского соперничества (Володина, 2015).

В 1990—2000-е гг. этот конфликт оказался вытеснен на периферию как мировой, так и региональной повестки и постепенно, казалось, стал утрачивать конституирующую для региональной подсистемы отношений роль. Сконцентрированные на проблемах внутриполитического развития в 1990-е гг., после прихода к власти А. Бутефлики в Алжире и Мухаммеда VI в Марокко обе страны предприняли слабые попытки к сближению (Zoubir, 2000), невзирая на сохраняющиеся противоречия по проблеме Западной Сахары. Впрочем, уже к концу первого десятилетия XXI в. этот позитивный импульс себя исчерпал (De Larramendi, 2018).

Принципиально новый тренд субрегиональному развитию был задан в начале 2010-х гг. в связи с событиями «арабской весны».

Во-первых, помимо ушедшего на второй план западносахарского конфликта в регионе появился конфликт в Ливии, потенциально способный оказывать негативное влияние и на другие страны. На ранней стадии его развития он привел к распространению нестабильности на регион Сахеля (прежде всего в Мали) и сохранял негативное воздействие на национальную безопасность Туниса⁷.

Во-вторых, рост конфликтности в восточной части арабского мира способствовал укреплению связей между странами Южного и Северного Средиземноморья. Демократический транзит в Тунисе, приобретение им статуса союзника США вне НАТО⁸ и укрепление марокканско-европейского сотрудничества⁹

способствовали определенной европеизации этих двух государств Магриба и их более глубокому включению в орбиту западного влияния. При этом традиционно проводившие антизападную линию Ливия и Алжир временно оказались ограничены в своей внешней политике. Если в случае с Ливией дело было в кровопролитном конфликте, поставившем под сомнение само сохранение ливийской государственности, то в случае с Алжиром речь шла о глубоком кризисе политического режима, когда в результате фактической утраты дееспособности президентом А. Бутефликой в 2013 г. страна минимизировала внешнеполитическую активность (Daguzan, 2015).

Наконец, третьим элементом субрегионального развития этого периода стало изменение ситуации в Западной Сахаре. Марокканская дипломатия сумела с максимальной выгодой для себя использовать стремление США добиться нормализации отношений между Израилем и арабскими странами. При том, что о тайных отношениях между Рабатом и Тель-Авивом было и ранее хорошо известно¹⁰, *махзен* сумел добиться от американской администрации признания претензий на Западную Сахару в обмен на нормализацию отношений с Израилем в рамках «Авраамовых соглашений»¹¹, что зачастую интерпретируется как фактическое поражение ПОЛИСАРИО и поддерживающего его Алжира¹².

Все эти новые элементы субрегионального развития фактически вели к опасной маргинализации позиций Алжира, как внешняя

⁷ Marchal R. The coup in Mali: the result of a long-term crisis or spillover from the Libyan civil war? // NOREF Report. May 2012. URL: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/3a582f1883e8809a0e18cd2d58a09a81.pdf> (accessed: 12.09.2021).

⁸ Lahmar M. Tunis: Ce qu'il faut attendre de l'accès au statut d'allié majeur non-membre de l'OTAN! // African Manager. 22 mai 2015. URL: <https://africanmanager.com/tunis-ce-qu-il-faut-attendre-de-l%C2%92acc%C2%92statut-d%C2%92allie-majeur-non-membre-de-l%C2%92otan/> (accessed: 12.09.2021).

⁹ M. Bourita: Le nouveau partenariat euro-marocain implique un changement de paradigme fondé sur l'égalité // Maroc.ma. 11 juillet 2019. URL: <https://www.maroc.ma/fr/actualites/mbourita-le-nouveau-partenariat-euro-marocain-implique-un-changement-de-paradigme-fonde> (accessed: 12.09.2021).

¹⁰ Mahmoud M. Les discrètes relations commerciales Maroc — Israël // Telquel. 8 décembre 2018. URL: https://telquel.ma/2018/11/08/les-relations-commerciales-entre-le-maroc-et-israel-une-discretion-entretenee-a-tous-les-etages_1617330 (accessed: 12.09.2021). См. также: (Bin-Nun, 2002).

¹¹ Ce qu'il faut savoir sur la normalisation des relations entre le Maroc et Israël // Franceinfo. 18 août 2021. URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/maroc/ce-qu-il-faut-savoir-sur-la-normalisation-des-relations-entre-le-maroc-et-israel_4740347.html (accessed: 12.09.2021).

¹² Bouchnik-Chen R. G. The Renewed Western Sahara Conflict and the Abraham Accords // BESA Center Perspectives Paper. 2020. No. 1, 843. URL: https://www.researchgate.net/publication/346897965_The_Renewed_Western_Sahara_Conflict_and_the_Abraham_Accords (accessed: 12.09.2021).

политика, так и сама модель развития которого, казалось, все более расходятся с общим магрибинским трендом.

Новые тенденции внутривнутриполитического развития в странах Магриба

В начале 2020-х гг. описанные тенденции субрегионального реформирования Магриба столкнулись с серьезными препятствиями, связанными с внутривнутриполитической динамикой в трех странах региона — Ливии, Тунисе и Алжире. При этом Мавритания, равно как и подконтрольные ПОЛИСАРИО территории Западной Сахары, сохранила свое маргинальное для региональной подсистемы отношений значение и не оказывала своей внутривнутриполитической динамикой существенного влияния на конфигурацию региональных отношений.

Ливия: тупики урегулирования

Серьезно снизившая свою международную субъектность Ливия на протяжении всех 2010-х гг. оставалась скорее объектом влияния разнообразных региональных и глобальных сил, чем самостоятельным игроком. Однако формирование в начале 2021 г. правительства национального единства (ПНЕ) во главе с Абдельхамидом Джебейбой и подготовка к намеченным на декабрь этого же года парламентским выборам создали предпосылки для частичного восстановления национального суверенитета.

Вместе с тем неспособность ливийских политических сил не только согласовать правовую базу предстоящих выборов, но и договориться о национальном бюджете и объединении силовых структур всего за несколько месяцев до предполагаемых выборов дали основания многочисленным наблюдателям предвещать негативный исход очередного этапа политического процесса в стране¹³.

¹³ См.: Eljarh M. Libya's uncertain path to elections // Al-Monitor. May 10, 2021. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/05/libyas-uncertain-path-elections> (accessed: 12.09.2021); Cherif N. Libya's Constitutional Quagmire // Libya Brief. 2021. No. 10. P. 13—14. URL: <https://www.kas.de/documents/282499/282548/Libya+Brief+10th+Edition.pdf/c070796b-8a61->

Вне зависимости от того, состоятся ли выборы в срок или нет, вероятность новой дестабилизации обстановки представляется весьма существенной. Перенос или отмена выборов поставят под сомнение легитимность действующего правительства. В то же время проведение выборов без создания институтов государственного управления (а ситуация с бюджетом показывает, что они не созданы) сделает невозможным формирование дееспособных органов власти. В результате оба сценария в перспективе могут привести к очередной дискредитации демократических институтов и политического процесса в стране.

Это, в свою очередь, может иметь несколько довольно существенных последствий. Прежде всего, это может грозить новой эскалацией насилия в стране и началом очередного раунда гражданского противостояния. Хотя, как показал опыт последних 10 лет, конфликт в Ливии не обладает серьезным потенциалом к распространению на близлежащие страны и протекает менее интенсивно, чем конфликты в Сирии или Йемене, он, тем не менее, может служить источником радикализации и питательной почвой для экстремизма во всем регионе. Характерно, что крупнейшие террористические акты, произошедшие в 2010-е гг. в Тунисе, были организованы террористами, получившими боевой опыт в Ливии¹⁴.

Другая, не менее значимая проблема, связанная с возможным коллапсом политического урегулирования в Ливии, состоит в том, что он будет означать утрату легитимности

e1b3-275f-78ddaa16d967?version=1.0&t=1622532740540 (accessed: 12.09.2021).

¹⁴ См.: Allani A. Mouvements religieux radicaux pendant la transition. L'exemple d'Ansar Al-Charia en Tunisie: naissance et expansion. Perspectives 2011—2014 // La Constitution de la Tunisie — Processus, principes et perspectives. Rapport du PNUD. Tunis, 2016. P. 211—231. URL: <https://www1.undp.org/content/dam/rbas/doc/Compendium/Part%202/15%20Mouvements%20religieux%20radicaux%20pendant%20la%20transition.pdf> (accessed: 12.09.2021); La Tunisie des frontières (II): terrorisme et polarisation régionale. Crisis Group Briefing Moyen-Orient et Afrique du Nord No. 41. Tunis/Bruxelles, 2014. P. 11—13. URL: <https://www.crisisgroup.org/fr/middle-east-north-africa/north-africa/tunisia/tunisia-s-borders-ii-terrorism-and-regional-polarisation> (accessed: 12.09.2021).

всех ливийских органов власти и одновременно станет свидетельством неэффективности европейских мирных инициатив в регионе. Учитывая провалы западных проектов политического инжиниринга в Афганистане и Ираке, это, в свою очередь, поставит под сомнение вообще возможность государственного строительства на Ближнем Востоке и в Северной Африке на демократической основе.

Вместе с тем авторитарная альтернатива также не просматривается. Претендовавший на роль нового сильного лидера для всей страны Халифа Хафтар так и не смог не только добиться контроля над Триполитанией, но и в полной мере консолидировать власть в казалась бы подконтрольной ему Киренаике (Lacher, 2020, pp. 178—189).

В этих условиях возрастет вероятность поиска нетрадиционных форм государственного строительства и усиления в стране тех групп, которые в своей борьбе за власть апеллируют либо к исламистскому, либо к кадафийскому опыту.

Тунис: тупики политического развития

Парадоксальным образом схожие с ливийскими тенденции политического развития обнаруживаются сегодня и в Тунисе, хотя в отличие от Ливии последний обычно позиционируется как едва ли не наиболее успешный пример демократического транзита после «арабской весны» (Marzo, 2020, p. 43).

Несмотря на то, что в 2011—2019 гг. в стране вполне успешно прошло несколько электоральных кампаний (выборы в Национальное учредительное собрание в 2011 г., парламентские и президентские выборы в 2014 и 2019 г.), политический кризис в ней все же преодолен не был. В 2019 г. его проявлением стал выход во второй тур президентских выборов двух кандидатов, ранее считавшихся аутсайдерами и продвигавших популистскую повестку. Победа ратовавшего за активную президентскую политику Каиса Саида¹⁵ обернулась его почти двухлетним

противостоянием с парламентом, основную часть мест в котором занимала умеренная исламистская партия «Ан-Нахда». Результатом стали неспособность властей сформировать эффективное правительство и постоянный полупаралич основных органов государственной власти, особенно болезненный в условиях пандемии (Khalfaoui, 2020).

Принятое К. Саидом 25 июля 2021 г. решение о заморозке деятельности парламента, лишении неприкосновенности членов парламента и начале уголовного преследования целого ряда депутатов «Ан-Нахды»¹⁶ видится многим представителям тунисского истеблишмента как аналог египетских событий 2013 г.¹⁷, приведших к разгрому в стране организации «Братьев-мусульман»¹⁸. Однако в случае с Тунисом подобное прочтение политической ситуации может и не быть верным. В отличие от Египта в Тунисе президент страны не имеет возможности опереться на исторически слабую и деполитизированную армию, он не воспринимается как свой представителем спецслужб, а «Ан-Нахда» сохраняет за собой существенную общественную поддержку¹⁹. В перспективе это может обернуться существенной дестабилизацией внутриполитической обстановки, что будет иметь последствия не только для Туниса, но и для всего региона.

Это будет свидетельствовать о поражении единственного успешного демократического транзита после «арабской весны» и о неспособности многочисленных тунисских политических партий предложить обществу

north-africa/tunisia/b73-tunisie-eviter-les-surencheres-populistes (accessed: 12.09.2021).

¹⁶ Grubman N., Şaşmaz A. The Collapse of Tunisia's Party System and the Rise of Kais Saied // Middle East Report Online. August 17, 2021. URL: <https://merip.org/2021/08/the-collapse-of-tunisias-party-system-and-the-rise-of-kais-saied/> (accessed: 12.09.2021).

¹⁷ Интервью авторов с тунисскими политиками, сентябрь 2021 г.

¹⁸ Организация запрещена в РФ.

¹⁹ Crise politique en Tunisie: des milliers de partisans du principal parti dans la rue // Le Figaro. 28 février 2021. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/crise-politique-en-tunisie-des-milliers-de-partisans-du-principal-parti-dans-la-rue-20210227> (accessed: 12.09.2021). См. также: (Кузнецов, 2018).

¹⁵ Avoiding a Populist Surge in Tunisia // Crisis Group Middle East and North Africa Briefing. 2020. No. 73. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/>

реальную программу развития, преодолев узкопартийное мышление. При этом, как и в случае с Ливией, авторитарная альтернатива демократическому развитию также просматривается плохо — в стране фактически не существует структур, способных консолидировать власть на недемократических основаниях. Помимо очевидных угроз безопасности, возрастание которых в этих условиях представляется почти неизбежным (тем более учитывая соседство с Ливией), складывание описанной ситуации может вести к попыткам обращения к единственному успешному опыту выхода из политического кризиса — опыту Национального диалога 2013 г., когда ответственность за будущее страны фактически взяли на себя организации гражданского общества (профсоюзы, палата промышленников и предпринимателей, гильдия адвокатов и Лига защиты прав человека) (M'rad, 2015).

Как и в ливийском случае, это будет означать попытку переформатировать государственность, обратившись к локальным политическим традициям, так или иначе связанным с представлениями о прямой демократии.

Алжир: тупики трансформации режима

Наконец, третья из стран Магриба, политический процесс в которой сталкивается с существенными трудностями, — это Алжир. Его политическая трансформация началась в 2019 г. в связи с массовыми протестами против выдвижения к тому моменту уже 20 лет правившего страной Абдельазиза Бутефлики на пятый президентский срок. Эти протесты, получившие в алжирском политическом дискурсе название «революция улыбок» (Slimani, 2019) привели, с одной стороны, к смене политического режима и президентским выборам 12 декабря 2019 г., а с другой — к формированию феномена Хирак — мирных протестных акций, проходивших во всех крупнейших городах страны каждую пятницу на протяжении практически двух лет²⁰.

²⁰ Goldstein E. Algeria's Hirak Protest Movement Marks Second Anniversary // Human Rights Watch. February 23, 2021. URL: <https://www.hrw.org/news/2021/>

Если сравнивать алжирскую ситуацию с трансформационными процессами в других странах региона в 2010-е гг., то бросается в глаза существенное отличие (Желтов, Желтов, 2015). Во всех других случаях эти процессы развивались либо в революционной логике, как в Тунисе и Ливии (с возможностью эскалации насилия и формирования вооруженного конфликта), либо же в логике упреждающих реформ, как в Марокко. Однако в Алжире, где в 2012 и 2016 гг. были проведены реформы²¹, в конечном счете дело обернулось крахом политического режима при сохранении всех основных параметров политической системы.

Подобный сценарий, по всей видимости, был разработан высшим армейским руководством страны, весной 2019 г. заявившим о своей полной поддержке протестующих и обвинившим А. Бутефлику и его приближенных в узурпации власти²². Переход военных на сторону Хирак запустил процесс перебалансировки сил внутри политической элиты, свидетельством чему стали многочисленные аресты обвиненных в коррупции крупнейших алжирских олигархов²³. Несмотря на эти меры, президентские выборы 2019 г. показали, что властям не удалось консолидировать общество вокруг фигуры А. Теббуна, уже занимавшего пост премьер-министра в 2017 г., а в 2012—2017 гг. отвечавшего в правительстве за жилищное строительство и городское развитие. Хотя, согласно официальным данным, в выборах приняло участие порядка

02/23/algerias-hirak-protest-movement-marks-second-anniversary (accessed: 12.09.2021).

²¹ Loi n°16-01 du 6 mars 2016 portant révision constitutionnelle // Journal officiel de la République Algérienne n°14 du 7 mars 2016. URL: <http://www.droit-afrique.com/uploads/Algerie-Constitution-revisee-Loi-6-mars-2016.pdf> (accessed: 25.04.2018). См. также: (Volpi, 2013).

²² Algeria: Army chief backs prosecution of Bouteflika 'gang' // Al Jazeera. April 10, 2019. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/4/10/algeria-army-chief-backs-prosecution-of-bouteflika-gang> (accessed: 12.09.2021).

²³ Chikhi L., Ould Ahmed H. Five Algerian billionaires arrested in anti-graft investigation // Reuters. April 22, 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-algeria-corruption-politics-idUSKCN1RY0PJ> (accessed: 12.09.2021).

40 % избирателей (рекордно низкий показатель за всю историю страны²⁴), за А. Теббуна из них отдали голоса менее 5 млн человек — около 11 % населения²⁵.

Хрупкость политического режима в первое время вынуждала президента идти на постоянный диалог с протестным движением, превратившимся в это время в органический элемент политической жизни страны. Тактика взаимодействия с активистами Хирак, по всей видимости, была подсказана историческим опытом последних трех десятилетий, когда небольшие протестные акции, обозначаемые как *protesta* на местном диалекте, стали естественным элементом алжирского политического процесса²⁶.

За прошедшее время правительство сумело превратить Хирак в рутинное действо, причем скорее карнавальное, чем политического характера. Одновременно упоминание об уважении к Хирак, важной роли, которую движение сыграло в свержении «банды Бутефлики», стало едва ли не обязательным элементом политического дискурса руководителей государства²⁷.

Однако начало пандемии COVID-19 весной 2020 г. создало условия для усиления репрессивных элементов во внутренней политике: границы страны были полностью закрыты, любая общественная активность была поставлена под жесткий контроль служб безопасности, несанкционированные митинги

²⁴ En Algérie, abstention record à l'élection présidentielle contestée // *Le Monde*. 13 décembre 2019. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2019/12/13/algerie-absention-record-a-l-election-presidentielle-contestee_6022695_3210.html (accessed: 12.09.2021).

²⁵ Les résultats définitifs de l'élection présidentielle publiés au Journal officiel // *Algérie Presse Service*. 20 décembre 2019. URL: <https://www.aps.dz/algerie/99194-les-resultats-definitifs-de-l-election-presidentielle-publies-au-journal-officiel> (accessed: 12.09.2021).

²⁶ Parks R.P. Voter Participation and Loud Claim Making in Algeria // *Middle East Report* 2016. No. 281. URL: <https://merip.org/2017/05/voter-participation-and-loud-claim-making-in-algeria/> (accessed: 12.09.2021).

²⁷ President Tebboune's main statements to Al Jazeera TV Channel // *Algérie Presse Service*. June 8, 2021. URL: <https://www.aps.dz/en/algeria/39658-president-tebboune-s-main-statements-to-al-jazeera-tv-channel> (accessed: 12.09.2021).

были запрещены, а 2021 г. ознаменовался несколькими волнами арестов активистов протестного движения. Согласно некоторым данным, с возобновления протестной деятельности в этом году более 6200 чел. было арестовано и 1800 было привлечено к уголовной ответственности²⁸.

Наконец, в мае 2021 г. в преддверии парламентских выборов в список террористических организаций²⁹ были внесены поддерживавшие Хирак движение исламской ориентации Рашад³⁰ и берберское Движение за самоопределение Кабилии³¹.

При том что в целом процесс усиления репрессивных элементов в управлении вполне понятен, бросаются в глаза две его особенности. Во-первых, протестное движение фактически никак не взаимодействует с основной массой действующих в стране политических партий, сохраняющих свою лояльность исполнительной власти. Во-вторых, попытки А. Теббуна противопоставить протестному движению какие бы то ни были меры по национальной консолидации, судя по всему, не увенчаются успехом. Состоявшийся осенью 2020 г. референдум по конституции, равно как и парламентские выборы в июне 2021 г., продемонстрировал все то же

²⁸ Rachidi I. Helpless Hirak? Democratic Disappointments in Algeria // *Carnegie Endowment for International Peace*. June 10, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/84739> (accessed: 12.09.2021).

²⁹ Haut Conseil de Sécurité: Le MAK et Rachad classés «organisations terroristes» // *El Watan*. 19 mai 2021. URL: <https://www.elwatan.com/a-la-une/haut-conseil-de-securite-le-mak-et-rachad-classes-organisations-terroristes-19-05-2021> (accessed: 12.09.2021).

³⁰ Orus-Boudjema S. Algérie: qui sont les figures de Rachad, le mouvement islamiste accusé d'infiltrer le Hirak? // *Jeune Afrique*. 5 mai 2021. URL: <https://www.jeuneafrique.com/1166584/politique/algerie-qui-sont-les-figures-de-rachad-le-mouvement-islamiste-accuse-dinfiltrer-le-hirak/> (accessed: 12.09.2021).

³¹ Байан визара ад-дифа' ал-ватаний [Коммюнике Министерства национальной обороны] // Министерство национальной обороны Алжирской Народно-Демократической Республики. 25.04.2021. (На арабском языке). URL: https://www.mdn.dz/site_principal/sommaire/actualites/ar/2021/avril/lutte25042021ar.php (дата обращения: 12.09.2021).

отчуждение общества от политики, что наблюдалось и ранее³².

Таким образом, несмотря на принципиальные различия в характере политических систем, степени их институционализации, а также роли внешних акторов в их функционировании, в том, как протекает политический процесс, во всех трех рассмотренных странах наблюдаются одни и те же тенденции. Это позволяет говорить о глубоком кризисе модели политического развития, проявляющемся в разочаровании общества в процессах демократизации и демократических институтах, неспособности политических элит к авторитарной консолидации и общем отчуждении общества от власти, что с неизбежностью ведет к определенным последствиям для магрибинской подсистемы международных отношений.

Угрозы региональной подсистеме отношений

В свете выделенных проблем внутривосточного развития в трех из четырех основных стран Магриба ключевые параметры субрегиональной подсистемы, по всей видимости, останутся неизменными, однако те тенденции, которые получили развитие в 2010-е гг., могут подвергнуться существенной корректировке.

При том что пути политического развития Ливии, Туниса и Алжира, очевидно, будут различны, каждая из трех стран для преодоления системного кризиса вынуждена будет обратиться к реформированию основ государственной власти, что в Тунисе и Алжире может быть сопряжено с утратой стабильности.

³² См.: Turnout at record low in Algerian referendum aimed at giving parliament more power // France 24. November 1, 2020. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20201101-algeria-votes-on-revised-constitution-aimed-at-giving-parliament-more-power> (accessed: 12.09.2021); El-Naggar L. The Return of the Hirak Movement and the June Legislative Elections: What Path for Algeria? // UI Brief. 2021. No. 4. P. 18—20. URL: <https://www.ui.se/globalassets/ui.se-eng/publications/ui-publications/2021/ui-brief-no.-4-2021.pdf> (accessed: 12.09.2021).

Внутривосточная динамика развития этих государств может поставить под сомнение казавшийся ранее очевидным процесс постепенного сближения Магриба со странами Северного Средиземноморья. Фактически единственная страна региона, по-прежнему демонстрирующая приверженность европейскому и атлантическому курсу — это Марокко. В перспективе это может вести к восстановлению в Магрибе тех линий субрегионального разделения, которые были характерны для него на протяжении нового времени, до формирования современной государственности. Речь идет о большей интегрированности территорий Ливии, Туниса и Алжира в ближневосточную систему отношений, которая в Новое время была связана с принадлежностью к Османской империи, и сохранении дистанции Марокко по отношению к ней.

Отказ от прозападной ориентации может вынудить страны обратиться к новым внерегиональным партнерам. Очевидными кандидатами на эту роль здесь становятся Россия и КНР, в целом заработавшие имидж противников вестернизированных глобализационных проектов, тем более что и КНР, уже превратившаяся в одного из ключевых экономических партнеров стран региона³³, и Россия, давным-давно подписавшая стратегическое партнерство с Алжиром, вроде бы имеют некоторый потенциал для развития связей. Подобные сценарии сближения, тем не менее, имеют свои ограничители: сколь бы активно ни развивались отношения с условным не-Западом, исторические, культурные, гуманитарные и экономические связи Магриба с северным Средиземноморьем все равно никуда не исчезнут, как никуда не исчезнет и роль географического фактора. Результатом может стать усиление противоборства традиционных и новых партнеров стран Магриба за влияние в субрегионе.

³³ Lafargue F. The economic presence of China in the Maghreb: Ambitions and limits. Paris: Foundation de la Recherche Stratégique, 2016. URL: <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/en/294.pdf> (accessed: 12.09.2021). См. также: (Zoubir, 2019).

Одновременно с этим происходит и изменение роли региональных игроков в Магрибе. На протяжении 2010-х гг. в этом субрегионе наблюдалось определенное соперничество между сформировавшейся катарско-турецкой осью, в целом поддерживавшей организацию «Братьев-мусульман» и близкие к ней партии, и саудовско-эмиратским альянсом, делавшим ставку на поддержку консервативных сил. Хотя сами магрибинские правительства в основном пытались выдерживать нейтралитет, балансируя между своими партнерами из Залива³⁴, на протяжении большей части десятилетия складывалось впечатление, что турецко-катарский альянс в Магрибе серьезно обыгрывает своих соперников. При этом само противостояние не выражалось в столь острых формах, как в Машрике. В Тунисе и Марокко укрепили свои позиции «Ан-Нахда» и Партия справедливости и развития, генетически связанная с «Братьями-мусульманами». Правительство национального согласия, контролировавшее западную часть Ливии, выступало последовательным сторонником сближения с Турцией, что в результате привело к вводу турецких войск на территорию страны³⁵. Даже Алжир, всегда чрезвычайно болезненно относившийся к вопросам суверенитета, все же проявлял определенные симпатии к «Братьям-мусульманам», местная версия которых (Движение общества за мир) давно была интегрирована в политическую систему страны.

Однако в 2021 г. ситуация изменилась. Формирование ПНЕ в Ливии и вывод на первый план международной повестки вопроса о выводе всех иностранных контингентов с территории страны, отстранение от власти «Ан-Нахды» в Тунисе и катастрофическое поражение ПСР на парламентских выборах в

³⁴ Malka H. *Maghreb Neutrality: Maghreb-Gulf Arab Ties Since the GCC Split* // Center for Strategic and International Studies. Analysis Paper. 2018. URL: <https://www.csis.org/analysis/maghreb-neutrality-maghreb-gulf-arab-ties-gcc-split-0> (accessed: 12.09.2021).

³⁵ Harchaoui J. *Why Turkey Intervened in Libya. Report* // The Eastern Mediterranean and Regional Security: A Transatlantic Dialogue series. 2020. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2020/12/why-turkey-intervened-in-libya.pdf> (accessed: 12.09.2021).

Марокко в сентябре³⁶ позволяют говорить о снижении влияния Турции и Катара (хотя в том же Алжире Турция продолжает играть важную экономическую роль³⁷). Одновременно с этим определенное сближение Марокко и Туниса с ОАЭ и Саудовской Аравией указывает на некоторое укрепление позиций последних.

Еще одно, не столь очевидное, но не менее важное последствие внутривосточных трансформаций для региональной повестки состоит в изменении роли внешней политики для государств региона. Фактически речь идет о том, что неореалистическая парадигма анализа международных отношений в субрегионе Магриба сегодня не отвечает реальности: внешняя политика, по крайней мере, временно перестает быть самоцелью и все больше подчиняется внутривосточным задачам национальной консолидации.

В наиболее яркой форме сегодня это проявляется в Алжире. Активизация внешней политики страны с момента прихода к власти А. Теббуна происходит, как представляется, по трем основным направлениям: ливийскому, французскому и марокканскому. При этом, если в случае с Ливией речь идет об обеспечении национальной безопасности и более активном участии в процессах урегулирования конфликта³⁸, то в двух других случаях ключевую роль играют вопросы исторической памяти и символов.

На французском направлении Алжир возобновил довольно болезненный для обеих сторон диалог по проблемам преодоления

³⁶ *Législatives au Maroc: les islamistes au pouvoir subissent une déroute spectaculaire au profit des libéraux* // France 24. 9 septembre 2021. URL: <https://www.france24.com/fr/afrique/20210909-au-maroc-les-islamistes-au-pouvoir-subissent-une-d%C3%A9route-spectaculaire-au-profit-des-lib%C3%A9raux> (accessed: 12.09.2021).

³⁷ Toumi A. *Is there a hope for French-Algerian relations?* // Daily Sabah. July 7, 2012. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/is-there-a-hope-for-french-algerian-relations> (accessed: 12.09.2021).

³⁸ *Retrait des mercenaires de la Libye: L'Algérie veut être associée au processus* // Algérie Presse Service. 31 août 2021. URL: <https://www.aps.dz/algerie/126789-retrait-des-mercenaires-de-la-libye-l-algerie-veut-etre-associee-au-processus> (accessed: 12.09.2021).

травм колониализма. Важным символическим достижением здесь стало торжественное возвращение на родину останков 24 жертв войны за независимость Алжира³⁹.

Незадолго до этого началась подготовка официальных докладов, посвященных проблемам исторической памяти двух стран. Один из них — доклад Б. Стора *Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie*⁴⁰ — действительно был представлен президенту Э. Макрону и вызвал широкий резонанс (Monciaud, 2021). Однако с алжирской стороны такого документа не появилось, а директор Национального архива Алжира Абдельмаджид Шихи, который должен был его подготовить, заявил, что официально доклад Б. Стора алжирской стороне предоставлен не был, «поэтому его как бы не существует»⁴¹. В то же время алжирский министр труда Х. Джаабуб в апреле 2021 г. в очередной раз назвал Францию «вечным и традиционным» врагом Алжира⁴².

Если на французском направлении попытки примирения пока не увенчались успехом, то на марокканском и вовсе наблюдается серьезная эскалация. Она началась уже в первые месяцы президентства А. Теббуна и продолжилась далее. Вскоре после своего прихода к власти он заявил, что обсуждение вопроса открытия границ произойдет лишь в

том случае, если «Марокко принесет извинения алжирскому народу за обвинения в террористической атаке 1994 г.»⁴³.

При этом решение Вашингтона о признании марокканского суверенитета над Западной Сахарой лишь усилило этот эскалационный тренд, апогеем развития которого стал полный разрыв дипломатических отношений между Алжиром и Марокко. Заявление А. Теббуна, озвученное министром иностранных дел Р. Ламамрой, начиналось словами: «Исторически и объективно доказано, что Королевство Марокко никогда не прекращало совершать недружественные, враждебные и презренные действия против нашей страны со времен обретения Алжиром независимости. Эта документально подтвержденная систематическая и преднамеренная враждебность восходит к открытой войне 1963 г., развязанной Королевскими вооруженными силами Марокко против недавно получившего независимость Алжира»⁴⁴. Вслед за этим следовал краткий пересказ всех недружественных акций марокканской стороны в отношении Алжира за последние 60 лет и длинный перечень актуальных обвинений — от поддержки сепаратистов и террористов до содействия Израилю.

Несмотря на то, что последовавший из Рабата ответ был выдержан в умеренных тонах и внешне лишен свойственного алжирскому дискурсу ресентимента, результаты парламентских выборов показывают, что и со стороны Алауитского королевства исторические претензии к восточному соседу могут оказаться актуальными.

На самом деле, хотя это и не проявляется столь очевидно, как в алжирском случае, марокканские власти также на протяжении всех 2010-х гг. проводили курс на консолидацию

³⁹ La France rend à l'Algérie les restes de 24 résistants tués lors de la colonisation // RFI. 3 juillet 2020. URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20200703-la-france-rend-a-lalgerie-les-restes-24-resistants-tues-lors-la-colonisation> (accessed: 12.09.2021).

⁴⁰ Stora B. Les questions mémorielles portant sur la colonisation et la guerre d'Algérie // Rapport officiel, Présidence de la République. 20 janvier 2021. URL: <https://www.vie-publique.fr/rapport/278186-rapport-stora-memoire-sur-la-colonisation-et-la-guerre-dalgerie> (accessed: 12.09.2021).

⁴¹ Pour Alger, c'est comme si le rapport Stora sur la réconciliation des mémoires entre la France et l'Algérie « n'existait pas » // Le Monde. 24 mars 2021. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/03/24/france-algerie-pour-alger-c-est-comme-si-le-rapport-stora-n-existait-pas_6074266_3212.html (accessed: 12.09.2021).

⁴² La France est un « ennemi traditionnel et éternel », déclare un ministre algérien // Le Figaro. 9 avril 2021. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-france-est-un-ennemi-traditionnel-et-eternel-declare-un-ministre-algerien-20210409> (accessed: 12.09.2021).

⁴³ Fermeture des frontières algéro-marocaines: Tebboune tacle le Maroc // ObservAlgerie. 22 février 2020. URL: <https://www.observalgerie.com/fermeture-des-frontieres-algero-marocaines-tebboune-tacle-le-maroc/2020/> (accessed: 08.05.2020).

⁴⁴ Тасрих ас-сайид Ла'мамра би-хусус кат' ал-'алакат ад-дипломасийа ма' ал-Магриб [Заявление господина Ламамры о разрыве дипломатических отношений с Марокко] // Algérie Presse Service. 24.08.2021. (На арабском языке). URL: <https://www.aps.dz/ar/algerie/111617-2021-08-24-18-05-52> (дата обращения: 12.09.2021).

власти на националистической основе. Характерно, что в этот период последовательно усиливалась парламентское присутствие партия Истикляль, исторический лидер которой Алляль аль-Фасси в свое время сформулировал концепцию Великого Марокко (Тауб, 2005, р. 192). В 2016 г. генеральный секретарь партии Хамид Шабат в очередной раз заявил, что территория Марокко распространяется от Себты (Сеуты) до реки Сенегал, включая ныне находящиеся на территории Алжира Тиндиф, Бешар и Кенадсу. Хотя министр иностранных дел Королевства буквально на следующий день назвал высказывания политика «безответственными», в своем заявлении он подчеркнул лишь, что Марокко уважает границы Мавритании, однако никак не прокомментировал нападки партийного лидера на Алжир. Вместе с тем партия негативно отреагировала на слова министра. Пикантности ситуации добавляло то, что тогдашний посол Марокко в Алжире принадлежал к Истикляль⁴⁵.

На выборах 2021 г. Истикляль резко расширила свое представительство в парламенте, получив в два раза больше голосов, чем в 2016 г. — 81 вместо 46. Описанная ситуация, как представляется, неизбежно ведет к новой эскалации алжиро-марокканских отношений в краткосрочной перспективе и усилению

дезинтеграционных тенденций в Магрибе. Очевидно, что при сохранении европейского и атлантического курса Марокко и более сдержанной в отношении Северного Средиземноморья политики Алжира эти тенденции могут привести к дальнейшему переформатированию магрибинского субрегиона.

Наконец, необходимо сказать о еще одном следствии внутривосточных трансформаций в Магрибе для региональной подсистемы отношений. Тупик в процессах демократизации в Ливии, Тунисе и Алжире и сомнительные перспективы консолидации власти в этих странах на авторитарных началах заставляют задуматься вообще о перспективах их политического развития. Сама дихотомия авторитаризма — демократии, в рамках которой развивался в них политический процесс на протяжении всей новейшей истории, была в сущности феноменом модернизации. Как демократическая, так и авторитарная модели были моделями западными и предполагали существование вполне определенных «дорожных карт» государственного развития, само формирование которых было связано с характерным для эпохи модерна «инжиниринговым», или административным, отношением к миру, о котором когда-то писал З. Бауман (1994, с. 71). Однако отказ от этой дихотомии, невозможность реализации ни одной из альтернатив заставляют задаться вопросом о поисках принципиально новых моделей государственного развития, а следовательно, и новых принципов региональной политики.

Поступила в редакцию / Received: 14.09.2021

Принята к публикации / Accepted: 26.10.2021

Библиографический список /References

- Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 69—80. [Bauman, Z. (1994). Controversy over postmodernism. *Sociological Journal*, (4), 69—80. (In Russian).]
- Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте / отв. ред. В.Г. Барановский, В.В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. [Baranovsky, V. G. & Naumkin, V. V. (Eds.). (2018). *The Middle East in the changing global context*. Moscow: IV RAN publ. (In Russian).]
- Видясова М.Ф. Социальные структуры доколониального Магриба. Генезис и типология. М.: Наука, 1987. [Vidyasova, M. F. (1987). *Social structures of the pre-colonial Maghreb. Genesis and typology*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).]
- Володина М.А. Алжиро-марокканские отношения в свете западносахарского конфликта // Россия и мусульманский мир. 2015. № 10 (280). С. 106—114. [Volodina, M. A. (2015). Algerian-Moroccan relations in the light of the Western Sahara conflict. *Russia and the Muslim World*, (10), 106—114. (In Russian).]

- Желтов В.В., Желтов М.В. Алжир: реформирование как проявление арабской весны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2—2 (62). С. 33—38. [Zhelotov, V. V., & Zhelotov, M. V. (2015). Algeria: Reforms as a consequence of the Arab Spring. *Bulletin of Kemerovo State University*, (2—2), 33—38. (In Russian).]
- Кузнецов В.А. Потаенные тропы Туниса: жить и рассказывать революцию. М.: ГАУГН-Пресс, 2018. [Kuznetsov, V. A. (2018). *The hidden paths of Tunisia: Living and telling the revolution*. Moscow: GAUGN-Press publ. (In Russian).]
- Bin-Nun, Y. (2002). *Les relations secrètes entre le Maroc et Israël et l'émigration juive, de l'indépendance du Maroc au naufrage d'Egoz, 1956—1960* [thesis]. Paris : École Pratique des Hautes Etudes.
- Boukhars, A. (2019). Reassessing the power of regional security providers: The case of Algeria and Morocco. *Middle Eastern Studies*, 55(2), 242—260. <https://doi.org/10.1080/00263206.2018.1538968>
- Daguzan, J.-F. (2015). La politique étrangère de l'Algérie: le temps de l'aventure? *Politique étrangère*, (3), 31—42.
- De Larramendi, M. H. (2018). Doomed regionalism in a redrawn Maghreb? The changing shape of the rivalry between Algeria and Morocco in the post-2011 era. *The Journal of North African Studies*, 24(3), 506—531. <https://doi.org/10.1080/13629387.2018.1454657>
- Khalifaoui, S. (2020). Reconfigurations de l'exécutif tunisien pendant la crise du Covid-19. In H. Redissi (Dir.), *La Tunisie à l'épreuve du Covid-19* (pp. 201—215). La Friedrich-Ebert-Stiftung, Bureau de Tunis.
- Labaronne, D. (2013). Les difficultés de l'intégration économique régionale des pays maghrébins. *Mondes en développement*, 163(3), 99—113. <https://doi.org/10.3917/med.163.0099>
- Lacher, W. (2020). *Libya's fragmentation: Structure and process in violent conflict*. London: I.B. Tauris.
- Lefèvre, R. (2016). Morocco, Algeria and the Maghreb's Cold War. *Journal of North African Studies*, 21(5), 735—740.
- M'rad, H. (2015). *Le dialogue national en Tunisie*. Tunis: Editions Nirvana.
- Marzo, P. (2020). La dimension internationale de la transition démocratique en Tunisie. Défis méthodologiques d'une recherche qualitative. *Recherches Qualitatives*, 39(1), 42—61. <https://doi.org/10.7202/1070015ar>
- Monciaud, D. (2021). Le « rapport Stora »: un premier débat sur les enjeux mémoriels. *Cahiers d'Histoire. Revue d'Histoire Critique*, (149), 137—161. <https://doi.org/10.4000/chrhc.16509>
- Rosenau, J. N. (1980). *The scientific study of foreign policy*. London, New York: Frances Pinter and Nichols Publishing.
- Slimani, S. (Ed.). (2019). *La révolution du sourire*. Tizi-Ouzou: Editions Frantz Fanon.
- Tayeb, C. (2005). La dynamique de la frontière au Maghreb. In UNESCO, International Committee of Historical Sciences (Eds.), *Des frontières en Afrique du XIIe au XXe siècle* (pp. 191—212). Paris: Stedi Media.
- Volpi, F. (2013). Algeria versus the Arab Spring. *Journal of Democracy*, 24(3), 104—115.
- Waltz, K. N. (1979). *Theory of international politics*. Boston: Addison-Wesley.
- Zoubir, Y. H. (2000). Algerian-Moroccan relations and their impact on Maghribi integration. *The Journal of North African Studies*, (5), 43—74.
- Zoubir, Y. H. (2019). Chinese relations with the Maghreb: The leading role of Algeria. *Confluences Méditerranée*, 109(2), 91—103. <https://doi.org/10.3917/come.109.0091>
- Zoubir, Y. H., & White, G. (Eds.). (2015). *North African politics. Change and continuity*. London: Routledge.

Сведения об авторах: Кузнецов Василий Александрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); ORCID: 0000-0003-3646-4037; e-mail: vasiakuznets@yandex.ru
Василенко Анастасия Игоревна — младший научный сотрудник лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН); ORCID: 0000-0002-1027-6137; e-mail: avasilenkan@gmail.com

About the authors: Kuznetsov Vasily Alexandrovich — PhD (History), Leading Researcher, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0003-3646-4037; e-mail: vasiakuznets@yandex.ru
Vasilenko Anastasia Igorevna — Junior Research Fellow, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; ORCID: 0000-0002-1027-6137; e-mail: avasilenkan@gmail.com